

Во второй статье Д. Н. Шмелев развивает основные положения первой статьи, отмечая сложное взаимодействие на уровне лексики тенденции к регулярности и тенденции к экспрессивности. Основным процессом в лексике является устранение семантической и формальной расчлененности наименований. В свою очередь развитие экспрессивности приводит к созданию двучленных и многочленных наименований (ср. *люди в белых халатах* и др.).

Анализу общественно-политической лексики посвящена статья И. Ф. Протченко *Развитие общественно-политической лексики в советскую эпоху* (сб. „Разв. лексики, стр. 17—28). Фактический материал был извлечен из произведений художественной литературы, периодической печати и партийных документов.

В связи с активизацией роли разговорной речи в системе стилей современного русского языка усилилась и тенденция к эллиптичности высказывания. Этому вопросу посвящена статья Т. Г. Винокура *Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи* (там же, стр. 29—38).

Эмоционально-окрашенная лексика рассматривается в статье Е. Ф. Петрищевой — *Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (опыт лингвистического эксперимента)* (там же, стр. 39—50). Предлагаются два практических приема определения эмоциональной окрашенности слов методом подстановки, рассуждения как на единичный, так и на массовый опрос говорящих на русском языке. Проведенный автором эксперимент показал, что разница в ответах информантов обусловлена возрастным показателем: у представителей младшего и среднего поколения (от 18 до 40 лет) было больше ответов на восприятие ряда заданных слов как эмоционально-окрашенных, чем у представителей старшего поколения. Это обстоятельство позволило сделать и другой вывод, что в советский период произошло перемещение целого ряда слов из состава неочечной лексики в состав эмоционально-окрашенной. Метод подстановки и коллективного опроса говорящих дает возможность избежать субъективизма в выделении эмоционально-окрашенной лексики.

Приемы, предлагаемые Е. Ф. Петрищевой, несомненно заслуживают внимания. Однако, ее интерпретация понятия „эмоционально-окрашенная лексика“ характеризуется известной расплывчатостью. Так, по мнению автора, эмоционально-окрашенная лексика — это группа слов, „которые не только называют явления, но и выражают субъективную эмоциональную оценку обозначаемого — презрительное, насмешливое, ласковое и т. п. отношение говорящего“ (стр. 39), с чем нельзя не согласиться. Но как понять такое утверждение: в языке имеются слова, „которые обозначают явления, не заслуживающие выражаемых этими словами отрицательных или положительных эмоций (ср. например, *зубодер, юнец, глупыш, капризуля*)“ (стр. 39). Другими словами, они не относятся к эмоционально-окрашенной лексике? И далее: „В принципе эмоциональная оценочность не основывается и на субъективном мнении говорящего о достоинствах или недостатках явлений, которым дается эмоциональная оценка“ (там же). В таком случае, что же из себя представляет эмоциональность в языке? Чем она определяется? Нам кажется, на эти вопросы автор статьи дает противоречивые ответы, в известной мере смешивая понятие эмоциональности и экспрессивности в языке. Ср., как отмечалось выше, слово *юнец*, с одной стороны, обозначает явление, которое не заслуживает выражаемых этим словом отрицательных эмоций, а с другой — в контексте „Нельзя же *юну* поручать это дело! — говорящий „высказывает мнение, соответствующее характеру эмоции“. Выходит, интонация предопределила эмоциональную окрашенность слова *юнец*. Бесспорно, интонация играет важную роль в эмоциональности, но не решающую. В данном же случае эмоциональность выражена с помощью суффикса субъективной оценки *-ен*. Значительно шире используется интонация как экспрессивное средство¹.

От эмоционально-оценочной лексики следует отличать интеллектуально-оценочную лексику. Этот пласт лексики современного русского языка рассматривается в другой статье Е. Ф. Петрищевой *Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени* (там же, стр. 51—74). Если первая дает эмоциональную оценку явлениям, предметам и т. д., то вторая выражает мнение „о желательности или нежелательности явлений, о соответствии их каким-либо нормам, требованиям“, т. е. дает явлениям интеллектуально-логическую оценку например, *чрезмерный, слишком, избыточность* и др. (стр. 54—55). Под значительным влиянием социального фактора в советский период количественный состав интеллектуально-оценочной лексики несравненно увеличился. Причем боль-

¹ См. Е. М. Галкина-Федорук, *Об экспрессивности и эмоциональности в языке, Сборник статей по языкознанию*, Москва, 1958, стр. 109.